

Елена ВИНОГРАДОВА

ТАКАЯ ЧУЖАЯ НЕОТЧУЖДАЕМАЯ ПЛОТЬ

Человек—Человеческое—Человечность—Человечество. Крутится, крутится в голове эта игра слов: от Человеческого до Человечности Человечеству надо сделать шаг, равный десяти тысячам световых лет. И десять таких шагов надо сделать потомку Солнца, чтобы принять в себе Человека.

Плоть так и не поддастся Императору. Она будет казаться чужой, не его. Пришлые американцы примут его за бродяжку Чарли, нанося импера-

тору по воле режиссера-вивисектора тончайшее и острейшее оскорбление. И это затем, чтобы убедиться, что император вне плоти, что он действительно Солнце.

Сокуров, как и всегда, будет срезать с героя мясо, зная, что как только начнешь это делать, срежешь всего человека, вся биография будет слита в таз вместе с кровью и испражнениями. Но здесь мастер уверен—это не тот случай, поэтому его вивисекция по-восточному изысканна. Он будет играть с Хирохито благородно и по-крупному.

Хирохито нервен, его трепещущие губы выдают напряжение всех сил. Сокуров срезает с Хирохито один слой за другим—отнимает империю, статус божества, наконец, лицо. Остается ли что-то? Как ни странно, остается весь Хирохито. Он не превращается в голое двуногое животное, как Король Лир. Хирохито не уверен уже, что он Солнце, но он знает, как должен вести себя Человек духа.

Сокуров берет за основу фильма реальную биографию, но не дает своему Хирохито оступиться. Максимально, что будет позволено его испытуемому на экране,—это взгляд, полный огненно-жгучей ненависти в сцене с прикуриванием сигары. В остальном Сокуров не хочет испытывать материал сверх сил. Материал сопротивляется, это главное. Вдвойне важно, что он толерантен по отношению к играм режиссера с его, материала, собственной плотью. Значит, Сокуров не обманулся.

Возможно поэтому фильм Солнце—один из самых человеческих в творчестве мастера. Теплота вообще не свойственна Сокурову-режиссеру, но есть две теплые, проникновенные, трогательные картины. Это «Восточная элегия» и «Солнце». Потому что в них нет Человека, которого привык уничтожать режиссер.

Метод прост—уничтожать плоть. Во многих случаях этого уже достаточно, чтобы сама идея Человека растворилась, как будто и не существовала вовсе. Сокуров адски долго расчленяет, скрупулезно, в деталях показывает, как разлагается и умирает тело и как вслед за ним распадается на первоэлементы то, что не по праву называется Человеком. Это мы видим в сокуровском некрореалистическом «Круге втором». Сокуров попирает и без того уже мертвое тело, так что оно перестает ассоциироваться с Человеком, и через это попрание тела Сокуров показывает полную аннигиляцию самой идеи Человека, Человеческого, Человечности как принципа. Сокуров отрекается.

Но не потому ли он так яростно режет в своих картинах Человека, что ищет его подлинную ценность за грудой костей и мяса? Ищет ценность, черпая силы в максималистском идеале Просвещения: то, что естественно должно быть наименее присуще Человеку. Мастер ищет Человека без плоти, Человечности без Человека и во многих случаях не находит. Но «Солнце»—не тот случай. Ведь идеал Просвещения во многом перекликается с основополагающим принципом жестокого кодекса бусидо.

Поэтому так тепла «Восточная элегия», где нет ничего Человеческого, но есть Божественное—Тишина, Пустота, дерево с красными плодами, которым стала после смерти героиня, потому что признала этот скромный дар самым большим для себя счастьем. Поэтому так божественно светла

биография последнего японского императора—он, конечно же, знал бусидо от и до. И именно поэтому он—Солнце. Потому, что Хирохито, как и Сокуров, точно знает, что, кроме того, что у тебя внутри, нет ничего—империя может рухнуть, и твое лицо показаться чужим, но это все рябь на воде в ветреный день.

Зато, как только режиссер чувствует обратное в своем герое, он сразу берет скальпель. В первой и второй частях трилогии («Молох» и «Телец» соответственно), Сокуров препарирует, не покладая рук. Общеизвестны драматические факты биографий Ленина и Гитлера—душевное нездоровье, мужская несостоятельность, контрастирующие с претензией на политическое величие этих людей. Так что Сокурову не пришлось выдумывать ничего нового, не пришлось оттачивать новые методы расчленения. Он холодно и уверенно режет первый слой кожи, второй, третий. В итоге Гитлер уже в первой трети фильма «Молох» оказывается застигнутым в кустах за отправлением большой нужды, а Ленин в конце «Тельца» воет в кустах больной коровой.

Режиссер обнажает их истинные сущности, которые вынес в заглавие фильма. Ленин оказывается буквально Тельцом, коровой без всяких переносных значений. С Гитлером чуть сложнее. Фюрера с его вопиющей жалкой физиологией наоборот противопоставляют грозному названию картины. В любом случае подопытных пригвоздили к их ущербным телам, вне которых они неспособны существовать. Они тождественны своим болезням.

И только один оказался вне своей, такой чужой неотчуждаемой плоти—маленький император—самурай. Так засияло солнце.

